

ЛЁГКОСТЬ И ПЛОТНОСТЬ ОДНОВРЕМЕННО

Заметки о творчестве В. Слипенчука

Вспыхивают огни любви, взращённые, как цветы, словом поэта:

Мой Космос, он со мною рядом.
Я проложил свою тропинку,
И ты в созвездии Плеяда
Сейчас идёшь со мной в обнимку...

О, великое, вещее право поэта – совмещая пласты фантазии и реальности, получать поистине вездесущую эманацию алхимии, которая своим дыханием преобразует читательские души согласно законам световой вертикали.

КАКИЕ огни влекли Чингисхана, великого изменителя яви, жестоко и жёстко проходившего её насквозь, — ради собственного народа и собственных же амбиций? Виктор Слипенчук, словесно работая на разных волнах жанров и форм, предлагает эстетически выверенное исследование поэмой «Чингис-Хан»...

Всё тяжелее быть вождём,
Всё тяжелее бремя власти.
Цветущий город осаждён —
У стен сигнала ждёт несчастье.

Но, как всегда на склоне лет,
Душа не терпит суеты.
И от больших побед, как бед, —
Нам только пепел пустоты.

Каган задёрнул вход шатра,
Но нет, опять не смог уснуть.
Не смог дожидаться он утра,
Чтоб утром войско повернуть.

Размашисто разносятся ритмы поэмы, таинственная медь власти вспыхивает на солнце истории, точно отражаясь в неведомо кем отполированных зеркалах вечности, и разворачивается, постепенно затягивая, равно гипнотизируя поэтическое повествование, выстроенное В. Слипенчуком.

Краски щедрой, восток богат ими, как богата Клио, всегда готовая поделиться с поэтом, чтобы он — в свою очередь — поделился с остальными: щедро, как июльский ливень.

История же Чингисхана страшна, и, сколь не вычеркнуть её, не изъять из общечеловеческой, столь сильно вспыхивают строки приговора, выносимые поэтом:

«Да, я монгол рыжебородый,
Да, вождь монголов — ханов Хан!»
Со смертью повенчать народы —
Таков удел твой, Чингис-Хан.

Густо кладутся мазки, многоцветно слонится палитра:

Кровавый всплывал рассвет,
И облаком раскалённым
Томился небесный свет
Над Бухарой осаждённой.

А в Бухаре на площади,
Там, где стоит мечеть,
Визирь восседал на лошади,
От страха утратив честь.

Словно и Чингисхан — наш современник, и есть нечто, закодированное в истории, что заставляет события — на новых витках и ином уже антураже — повторяться и повторяться, не давая объяснений своей сущности.

Слипенчук писал поэму в армии, в 1964 году, в «учебке», в сверхсекретном бронетанковом батальоне, в/ч 43064; густая плотность и словесное мастерство, изысканность — словно восточная — стили свидетельствовали о раннем разгорании дара в сердца, обретшем путь — каковы бы ни были морские волны, сколь бы ни привлекала водная стезя...

...ибо долгое время Слипенчук был моряком (о таинственном отблеске древних мореходов, бросавших вызов неизвестности массивных вод!) и, пройдя многие вёрсты различных путей, познав сполна,

сколь тяжестью и свершениями наполнена морская дорога, обогатил свой онтологический опыт, чтобы расцвели впоследствии морские повести, живописуя бездны соответствующего труда.

«За мысом поворотным» представляет собой дневник одного рейса, впечатанный в жанр повести, и здесь поэзия, бросая отблески на кропотливо сплетаемые орнаменты прозы, снова показывает, какая мощная алхимия определяет бытование художественной речи.

Живо и увлекательно слоится повествование:

«Игривые переборы гармошки, свист, взвизгивание, стук каблуков казались мне вызывающе весёлыми. Я стоял один, испытывая какое-то странное спокойствие — никто меня не провожал, и скрывать свою грусть было не перед кем».

Ему присущи лёгкость и плотность одновременно, и существительные, словно шевелясь живым хворостом, обещают прекрасные огни светозарных ощущений.

Разумеется, Слипенчук по-особому чувствует душу вод: словно таинственные излучения, исходя из солевых недр, изменяют и писательскую душу, обогащая душу моряка.

...творится калейдоскоп разнообразия — снова загораются, играя оттенками мысли и чувств, стихотворные строки:

Я не жду повторенья
Жизни той, что была,
В сердце образ творенья,
Что у нас быть могла.

И от края до края
Навсегда и отныне
В этой чуждой пустыне
Ты предвестница рая.

Снова вызревают гроздь любви: альфы человеческих чувств.

Лёгкость, с какою Слипенчук переходит со стихов на прозу, совершая и обратное движение, о свидетельствует о широте одарённости, о могучих языковых возможностях писателя.

...вот рассказы, объединённые в книгу «Светлое воскресенье»: вот звёздные миры пронесшихся фантазий и... повседневность, чья проза достойна в не меньшей мере поэзии, вот обаяние обыденности, плотно перевитое волокнами грёз и детских мечтаний.

...о, у человека проявятся сверхспособности, и читатель, исподволь подготовленный к такому повороту сюжета, примет их, втягиваясь в повествование-игру, творящуюся совершенно всерьёз.

Игровой момент многих книг Слипенчука тем и интересен: балансируя на грани обычности яви и совершенной ирреальности иных феноменов, он держит читательский интерес, не позволяя отрываться от книг до конца — а потом насладиться оригинальным послевкусием.

«Дети двойной звезды» строятся именно так: подразумевая подоплёкой извечность борьбы начал: добра и зла, равно неумёрность духовного поиска, без которого человек пуст, как вытряхнутый мешок.

Зазвучит «Зинзивер» — роман, в недрах которого фантастика и фантазмагория грёз загораются опереньем волшебной жар-птицы, залетевшей к нам на волнах великой музыки детства.

Авантюрного склада молодой человек, представленный центральным героем...

он же отчасти — герой наших времён: сумбурных и переполненных множественностью абсурда.

Что не отменяет ни жизни, ни веры.

Впрочем — последняя у каждого своя: и Губернатор из одноимённой пьесы Слипенчука демонстрирует, сколь вера во власть иссушает душу, превращая её в бледное подобие самой себя.

Пьеса, в которой мелькают... то тень Голядкина, то сложные отзвуки духовного пейзажа «Петербурга» Андрея Белого, интересно варьирует бесконечную тему власти, и двойников в одной, двойников, вдруг способных выходить из-под контроля и вести собственную игру; своеобразна и связь с классической традицией: питающей, позволяющей протягивать в современность результаты собственного дара...

Пьеса дышит иронией.
Её изломы часто могут поранить метафизической глубиной, однако активность развивающегося действия врачует.

...вдруг интересно проступают линии русского космизма, неповторимой философии, в поэтических строчках:

Вот и всё, вот и кончился марш!
В сейфы выкладки курса заброшены,
И далёкий оранжевый Марс
Ощущаем своими подошвами...

Богатство ассоциаций щедром веером раскрывается в сознание: здесь и луч... «стоящий своими подошвами» на сетчатке — Мандельштама, и жёсткая ритмика путешествий Гумилёва, так и не добравшегося до космоса; но — тут и ассоциативная вязь с пророчествами Циолковского, этого поэта космоса.

...возникнет, полнясь совмещением истории и современности, образ Баку:

А влево — города лицо,
Как обручальное кольцо
Между волной морской и ветром,
Предстало небоскрёбным центром.

Тревожить более не смея,
Я молча вопрошаю — где я?!
И вдруг — как выстрел на скаку —
Я осенён: я вновь — в Баку!

Много счастья в книгах Слипенчука, вовсе не безоблачного и добываемого поразному, много счастья — и желания поделиться им: пенным и детским, путешествующим (книги Слипенчука переведены в целом ряде стран), взрослым, окрашенным

в цвета постижения яви, и хорошей жадности до неё, когда страшно что-то упустить, потерять, не успеть опривить в книги.

Ведь реальность избыточна.

И В. Слипенчук, богато черпая из оной, творит свой писательский миф, не говоря о мире...

...вот рассказы, отправляющие в мир детский: «Зной», «Земляника», и деревенский антураж, расцветающий в оных, исполнен крутыми сюжетными поворотами, когда, казалось бы, из житейского, не слишком и значительного события, вырастает целый мир, развернётся, звуча психологией, красками бытия, множественностью оттенков.

Снова накатывает поэтическая волна:

Полночь тёмно-синяя. В тишине
Крупные, как яблоки, звёзды светят
Низко так, что чудится, можно мне
Палкою сбивать их, с крыши свесаясь.

Интересно работает запятая, подчёркивая смысловую силу; и прозрачная детскость, не оставляющая поэта, свидетельствует о нежности души.

Из материала сна, но... будто слепленная из снега, возникает таинственная птица:

Чудесная белая птица —
Ей одиноко одной.
Она на карниз садится
И тихо следит за мной.

Словно в небесах купается поэт, постигая их бездонность, делясь открытиями своими...

Стихи Слипенчука звучат глобально:

Луна в зените. Час ночной.
Покрыто всё волшебным флёром.
И кажется, что шар земной
Летит в окне фуникулёра.

Они чисты и мудры, и просквозённые чувством необычности жизни передают его полноценно, весомо.

Всё необычно: каждый день, любая бабочка момента.

Недавно вышедшее собрание сочинений прекрасно представляет миру великодушный словесный мир В. Слипенчука: богатый и по-хорошему перенасыщенный, пространственный, облагораживающий душу, сулящий захватывающее чтение.

Александр БАЛТИН
Официальный сайт писателя
www.slipenchuk.ru